

В л а д и м и р С а л м о н

Г Р О М К О - Г Р О М К О . О Г Л У Ш И Т Е Л Ь Н О

•

Солнца луч заденет по касательной,
и мгновенно ранние морщинки
на твоей смешной, очаровательной
рожице растают, как снежинки.

Упорхнут, как птицы сизокрылые,
тени, что лежали под глазами,
мысли наши черные, постылые,
что владели безраздельно нами.

Я им свистну вслед, чтоб впредь особенно
к нам не торопились возвратиться,
чтоб они держались обособленно,
перестали среди людей гнездиться.

Колокол — махину стопудовую —
дернул за язык звонарь трикратно,
проголосовавши за жизнь новую,
против уходящей безвозвратно.

•

Весел стук и скрип перил.
В темноте причал поскрипывал,
ветер лодочный настил
на устойчивость испытывал.

Больше ничего вокруг
слышно не было решительно:
скрип да скрип и стук да стук.
Громко-громко. Оглушительно.

То ль колодники скрипят
в полночь за полночь колодками,
то ли веслами стучат
и о берег бьются лодками

рыбаки не рыбаки,
может, москвичи на отдыхе,
может, майские жуки
стукаются лбами в воздухе.

●

Стрелки вытянулись в струнку,
на часах стоят недвижно.
Пресловутую чугунок
по утру за лесом слышно.

Узкогрудая железка
словно в туфельки обута,
что начищены до блеска
для чего-то, почему-то.

Сумерки, едва светает,
но она уже по кромке
леса весело шагает
с видом юной комсомолки.

Вдаль спешит одноколейка —
туфельки на босу ногу,
шаровары, тубетейка —
за собой зовя в дорогу.

Медленно качая ветками,
словно весельные лодки,
вдаль плывут с кустами редкими
елочки вдоль загородки.

Мы им машем на прощание,
как сидящим в лодках людям:
Дорогие, до свидания!
Мы вовек вас не забудем!

Что-то по обыкновению
содержательное мало,
что созвучно настроению
пристани речной, вокзала.

А в ответ слышны тяжелые,
тяжкие удары весел —
это на ветру еловые
ветки гнутся, бьются оземь.

В дверь звонят, но это дети
озоруют.
За порог,
выходя, мы на рассвете
слышим смех и топот ног.

Вниз по лестнице несется
детвора, скорей, скорей
по ступеням,
раздается
громкий стук входных дверей.

Нужно мужества набраться,
чтоб в отсутствии родни
и друзей себе признаться,
в том, что мы совсем одни.

Я и кошка.
В целом мире
мы остались с ней вдвоем,
только мы в пустой квартире
коротаем век, живем.

Хорошо бы в одночасье
вместе с нею помереть.
А случись со мной несчастье,
станет кто за ней смотреть,
Мотю, бедную, жалеть.

●

Дождик бьет по подоконнику,
по скамье, по рукомойнику,
Тихо так, как слезы льет,
милостыню подает.

Сыпет мелкими деньгами,
будто сжалившись над нами.
Но и медные гроши
Превосходно хороши.

Мы на них в соседней лавке
кучу всякого добра
купим и в саду на травке
запируем до утра.

Много разного народа
пригласим к себе домой.

Братство. Равенство. Свобода.
Хочешь — пей, а хочешь — пой!

Птиц несмолкающий галдеж.
За частоколом роц сырая
земля, что взрезал острый нож,
равнина без конца и края.

Реки полоска вдалеке
пульсирует, трепещет, бьется,
как будто жилка на виске,
надулась и вот-вот взорвется.

А коль взорвется, что тогда?
Взмахнем, как Ангелы крылами
и прочь умчимся навсегда,
оставим мир, презренный нами,

иль будем жить, любить, желать,
внезапной смерти не бояться,
упрямо на своем стоять
и мучиться, и сомневаться?

